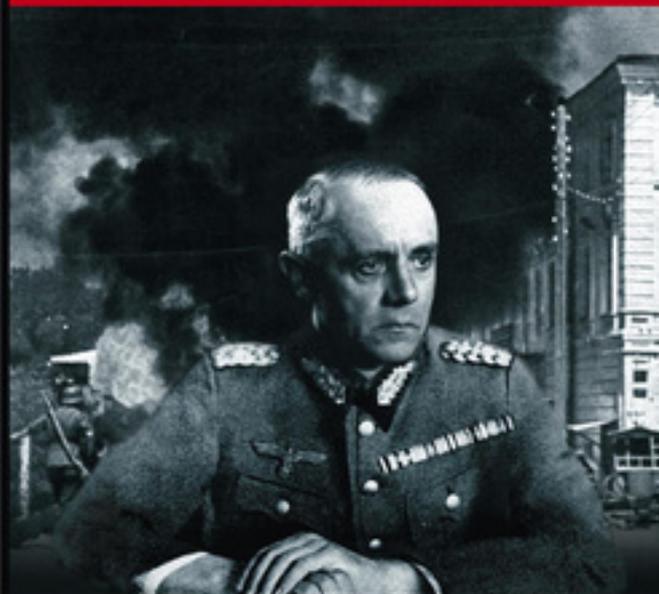

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
БИОГРАФИИ

Вольфганг Ферстер

ПРОТИВОСТОЯНИЕ
ФЮРЕРУ

ТРАГЕДИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ
НЕМЕЦКОГО ГЕНШТАБА

1933–1944

Вольфганг Ферстер

**Противостояние фюреру.
Трагедия руководителя
немецкого Генштаба. 1933-1944**

«Центрполиграф»

Ферстер В.

Противостояние фюреру. Трагедия руководителя немецкого Генштаба. 1933-1944 / В. Ферстер — «Центрполиграф»,

Людвиг Бек никогда не был пацифистом, но прекрасно понимал, какие страшные последствия повлечет война и для проигравших и для победителей. Один из организаторов вермахта, Бек открыто критиковал сосредоточение всей полноты власти в руках Гитлера. Оппозиция Гитлеру рассматривала Бека как возможного главу государства в случае устранения фюрера с политической арены. Бек принимал участие в Июльском заговоре, после провала покушения на Гитлера был арестован и покончил жизнь самоубийством.

Содержание

Глава 1	6
В Первой мировой войне	8
Работа Бека в рейхсвере	11
Глава 2	13
Положение и задачи руководителя Генерального штаба	14
«Перевооружение, как таковое, не является преступным актом...»	15
Бек требует «нравственно обоснованной политики»	17
«Германия не в том положении, чтобы рисковать и давать повод к войне...»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ферстер Вольфганг
Противостояние фюреру.
Трагедия руководителя
немецкого Генштаба. 1933 – 1944

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Глава 1

ЖИЗНЬ БЕКА ДО 1933 ГОДА

Нам нужны офицеры, которые до конца пройдут путь, руководствуясь нравственными принципами, чьи характер и нервы достаточно сильны, чтобы сделать то, что диктует им рассудок.
Бек, 15 октября 1935 г.

Людвиг Август Бек родился 29 июня 1880 года в Бибрихе, на Рейне. Его отец, доктор философских наук Людвиг Бек, руководил литейным производством в Бибрихе (Рейнский металлургический завод) и был видной фигурой в этой отрасли индустрии. Написав пятитомную работу об истории железа и опубликовав многочисленные статьи о металлургической промышленности и о месте и роли в ней железа, он приобрел большую известность в научных и промышленных кругах. В 1905 году в знак признания его научных достижений ему присваивают звание профессора, а в 1909 году вручают памятную медаль Карла Люга – высшую награду ассоциации немецких металлургов. В 1910 году от технического университета в Ахене он получает звание почетного доктора инженерных наук.

Людвиг провел свое детство в родительском доме в Бибрихе, где помимо него росли еще два брата, один на два года старше, а второй на два года младше его. Вначале семья жила в доме при Рейнском металлургическом заводе, потом на вилле, Райнгаухштрассе, 3. В своей статье, написанной в память об отце к его столетию, Бек писал: «В воспитании сыновей отец и мать редко прибегали к нравоучениям; гораздо чаще они собственным примером показывали нам, как следует себя вести; здесь уместно вспомнить слова Теодора Фишера: «Моральное всегда понимается исходя из самого себя». Они демонстрировали это всем укладом своей семейной жизни, отношением к работе и обязанностям. Большое внимание уделялось самообразованию и соблюдению порядка и дисциплины.

Главным талантом отца было то, что у него всегда, несмотря на огромное количество дел и безумное напряжение, было время для сыновей и что он всегда оберегал покой семьи. Родители жили просто и скромно и старались, чтобы у сыновей материальное не возобладало над духовным, к чему, возможно, располагало общение с некоторыми состоятельными и известными семьями. Всякий раз, когда позволяло время, почти всегда по воскресеньям, отец вместе с сыновьями предпринимал прогулки по окрестностям, нередко эти прогулки длились по нескольку часов. Дома он охотно читал вслух драмы немецких классиков, Шекспира, Библию, а также произведения современных писателей.

Оба родителя, религиозно терпимые, часто посещали церковь и приучали к этому сыновей. Среди житейских мудростей, которые отец любил повторять сыновьям, помимо настоятельного призыва избегать недооценки человеческих знаний, были слова Сократа «познай себя» и наставления Полония, которые он дал своему сыну Лаэрту: «Будь верен сам себе». А от себя отец добавлял: «В долг не бери и займы не давай; легко и ссуду потерять, и друга, а займы тупят лезвия хозяйства».

Мать была выдающейся пианисткой, и в доме часто звучала прекрасная музыка. Устраивались вечера в исполнении сыновей и других близких родственников и друзей. Все, принимавшие участие в этих домашних концертах, получали огромное удовольствие¹. Родители не любили большого скопления людей и предпочитали простое общение с родственниками и близкими знакомыми в собственном доме или на природе в окрестностях Рейна, в больших великолепных садах, раскинувшихся на его берегах. Гостей ждали яркие и незабываемые

---

¹ Людвиг очень хорошо играл на скрипке. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания автора.)

впечатления от веселых занятий водным спортом на Рейне. Гости могли плавать на собственной лодке, совершать прогулки на пароходе или на весельной лодке, осматривать живописные окрестности. Красота родного края так завораживала всех членов семьи, что даже во время летних каникул родители очень редко уезжали куда-либо с сыновьями. Когда же это происходило, то довольны были не все. Ни отец, ни мать не хотели оказывать влияние на сыновний выбор профессии и, каким бы он ни оказался, всегда поддерживали сыновей, а когда они покинули отчий дом, родители постоянно переписывались с ними».

По окончании гуманитарной гимназии в Висбадене, весной 1898 года, Бек сдал экзамен на аттестат зрелости, после чего, согласно семейной традиции – все предки до его отца были гессенскими офицерами, – 12 марта поступил на службу в 15-й полк полевой артиллерии в Страсбурге. 18 августа 1899 года он становится лейтенантом. До этого в течение трех лет он посещал военную академию в Берлине, по окончании которой был откомандирован для несения службы в Генеральный штаб. 1 октября 1913 года Бек становится капитаном Генштаба.

В Первой мировой войне

В годы Первой мировой войны Бек занимал различные должности в качестве офицера Генерального штаба, причем исключительно на Западном фронте. Во время сражения на Марне он был свидетелем успешных военных операций штаба VI запасного корпуса немецких войск с обеих сторон Мааса. Тогда он служил в составе генерального командования VI резервного корпуса. Будучи офицером Генерального штаба 117-й пехотной дивизии, осенью 1915 года в районе Лооса он пережил кровопролитное оборонительное сражение 6-й армии в Артуа. Позже, в 13-й резервной дивизии, в той же должности, он присутствовал при длительных и тяжелых наступательных и оборонительных сражениях под Верденом.

12 мая 1916 года Бек сочетался узами брака с дочерью торговца из Бремена Амалией Пагенштехер. Но его семейная жизнь была недолгой: в ноябре 1917 года Амалия умерла, произведя на свет дочь Гертруду. Потеря жены сделала его, от природы серьезного человека, еще молчаливее и сдержаннее. Больше Бек в брак не вступал.

Зимой 1916/17 года Бек получил назначение в Генеральный штаб недавно созданного Верховного командования группы армий «Кронпринц». Здесь Бек, вскоре получивший звание майора, пользовался особым доверием начальника Генерального штаба графа фон Шуленбурга. Бек отвечал ему взаимностью. После войны их отношения переросли в крепкую дружбу. Бек всегда с благодарностью признавал, что он очень многим обязан служебному и личному влиянию этого одаренного человека и прекрасного солдата. Верховный главнокомандующий группой армий «Кронпринц» Вильгельм также питал к молодому офицеру Генерального штаба особое доверие и позже ввел его в круг своих самых близких друзей.

Служа в штабе этой группы армий, Бек принял участие в планировании и успешном проведении массированных оборонительных сражений в 1917 году на Эне, в Шампани и около Вердена, а затем, весной и летом 1918 года, в наступательных операциях на Амьен и в окрестностях Реймса и, наконец, в начавшихся в конце июля отступлении и обороне.

То, как Бек сумел оценить смысл и значение происходивших событий, участником и свидетелем которых он был, становится ясно из письма, написанного им вскоре после перемирия 28 ноября 1918 года. Здесь он излагает причины, по которым для немцев наступил трагический конец Первой мировой войны.

«...То, что мы все без исключения пережили в последние недели, столь чудовищно, что еще будет являться нам во сне. В самый тяжелый момент войны заранее подготовленная революция – в чем я сейчас ни мгновение не сомневаюсь – нанесла нам удар в спину. Это произошло в тот самый момент, когда армия и правительство должны были напрячь все свои силы, чтобы помешать прорыву и снизить опасность положения, которое могло бы привести к неслыханной военной катастрофе. С тыла мы были полностью беззащитны, полностью! Именно этим вначале характеризовался проход революционеров. Я не знаю ни одной революции, которая была бы проведена столь подло и которая, что гораздо хуже, сильно увеличила тяжелую нужду, в которой мы находимся уже давно, что, возможно, приведет к полной гибели. Это безумие – проводить революцию в государстве, которое с напряжением всех сил и полным сохранением всего своего очень сложного организма должно было **превратить поражение в терпимый мир и здоровое мирное хозяйство**. Как правильно пишет «Кельнская газета», это почти то же самое, как если бы человек, страдающий от заболевания легких, захотел бы провести операцию на слепой кишке. Этого не вынесет даже самый лучший организм.

Конечно, есть множество причин для резкой смены настроений, растерянности и отчаяния. Об этом нужно думать проще и не обижаться на народ, который после четырех лет страданий и лишений на время потерял самообладание. Но то, что эта реакция примет такие формы, мы предугадать не могли. Я не считаю это проявление результатом краха, я считаю его вступ-

лением в силу давно принятых решений, которые лишь ждали благоприятного момента для своего осуществления. **Я, после того как примерно за два года до этого получил возможность поближе ознакомиться с причинами, еще больше укрепился во мнении об исходе войны, с небольшим отличием – нам нужно было искать взаимопонимание.** Это мнение совпадает с суждениями начальника штаба и кронпринца. Мнения этих людей я могу приводить сотни раз, некоторые из этих суждений зафиксированы документально и еще не раз станут известны. Но с «диктатором» Людендорфом, порядочным, умным и энергичным человеком, никто не сравнится. Он мог уйти лишь по собственному желанию. Если бы кто-либо осмелился преждевременно его сместить и если бы этим кем-то оказался кайзер, то народ объявил бы его инициатором поражения, которое вскоре должно было последовать, и «побил бы его камнями». Слишком глубоко доверие народа и армии к Людендорфу. Лишь немногие с тревогой смотрели в будущее и видели приближающуюся беду. Но, несмотря на это, Людендорф был одним из величайших людей своего времени, за время нашего общения я очень хорошо его узнал и искренне им восхищался. Он – одна из самых трагических фигур нашей истории.

Но все это, и даже еще большее количество причин, не объясняет нашего теперешнего положения. На нашу армию на родине в течение нескольких месяцев революционеры систематически оказывали влияние, именно этим и объясняется большая часть наших неудач после 15 июля. Некоторые войска не устояли, и не потому, что не хотели, нет, а потому, что не смогли. Тут не помогло сопротивление других храбрых войск, весь организм был уже нездоров. Слишком много было переносчиков инфекции. Но при совместной работе мы легко снова встали бы, чтобы дать отпор, на короткой линии – Антверпен – Мец или Люттих – Мец и поставили бы нашего противника перед выбором: мир или продолжение войны до 1919 года. И враг тоже был на грани. При всем уважении к французской армии должен заметить: то, что Фош был великим полководцем, – это лишь молва, и ничего более. Если бы он им был, то нас бы ждало совсем другое поражение, а не то, что произошло.

История когда-нибудь расскажет, как мы, в течение многих недель сражаясь на обширном фронте без резерва, имели множество дыр в нашей обороне, и все же полководец Антанты не прорвался. Наши войска, наши офицеры и наше правительство – все они, каждый на своей должности, делали невозможное.

Поэтому сейчас особенно неприятно, когда люди, которые ни разу не слышали выстрелов, которые не знают, какого ужасного напряжения, самоотречения и других качеств требовала война от каждого на фронте, – когда эти самые люди создают противоречия между офицером и обществом. Ведь худшее, что они могут сделать, – это подорвать офицерский авторитет, а это приведет к анархии. Люди, которые совершили это преступление, должны взглянуть на французскую армию, которая по меньшей мере в течение нескольких лет переживала тяжелые времена, когда все, а особенно Клемансо, действовали более чем решительно, когда мятеж часто наказывался смертной казнью. Сегодня французская армия – самая дисциплинированная в мире. Для офицеров, таких как я и многие другие тысячи, которые это переживают, закат нашей армии является чем-то ужасным...»

Это обстоятельное письмо является не только показателем тогдашнего **суждения Бека о немецком крахе 1918 года.** Оно также представляет собой изложение той точки зрения, которой он, более чем 20 лет спустя, был верен и во время Второй мировой войны. С годами мнение Бека о событиях 1918 года не изменилось или изменилось незначительно. Он всегда помнил этот удар кинжалом в спину армии. **Правда, не той армии, которая (как позже будут старательно утверждать легенды) тем самым была лишена победы и которая, израненная и истекающая кровью, приблизила поражение, а той армии, у которой отняли последние силы к сопротивлению.** Нужно помнить об этих взглядах Бека, чтобы потом оценить его роль в заговоре против главы государства. Потребовался ужасный наглядный урок,

который Гитлер преподавал немецкому народу и всему миру, чтобы понять Бека, истинного патриота, выросшего в священных традициях, и оценить условия, в которых **открытый протест против преступного тиранства становился высочайшим моральным долгом и насущной государственной и политической необходимостью.**

Работа Бека в рейхсвере

После краха 1918 года Бек остался преданным своей профессии – служил в маленькой сотысячной армии Веймарской республики. Его служба шла параллельно как в армии, так в Генеральном штабе. После службы в Бадене и Силезии 1 октября 1920 года Бека переводят в столицу Вестфалии – Мюнстер. Там он вначале получает назначение командиром дивизиона 6-го артиллерийского полка, а спустя два года, уже в звании подполковника, возглавляет вспомогательные военные курсы в штабе 6-го военного округа. Находясь на этой должности, он не только с большим успехом организовал подготовку будущих офицеров Генштаба, но и снискал любовь и уважение своих подчиненных. Вот небольшой пример этого.

Во время учебной поездки верхом Бек из-за столкновения с легковым автомобилем упал вместе с лошадыю. Один из его учеников, тогда старший лейтенант, а позже генерал Хоссбах, пишет об этом в одном из своих писем: «...Все произошло очень быстро: я услышал визг тормозов машины и в ту же секунду увидел залитого кровью Бека. Он лежал на земле. Ты не представляешь, как больно мне было видеть это и как прекрасно держался этот человек, несмотря на боль. Ни одного стога не услышали мы от него. Вначале он спросил о своей лошади и лишь потом позволил отнести себя в машину (которая и была причиной его падения) и отвезти в лазарет в Мюнстере. Во время нашего возвращения мы, к нашей великой радости, узнали, что врачебное обследование не выявило никаких опасных для жизни повреждений. Чтобы порадовать Бека, сегодня мы подарили ему цветы, а в скором времени хотим доставить ему и другую радость. Завтра утром мы хотим по очереди посетить его...»

1 октября 1925 года Бек был переведен в Генеральный штаб 4-го военного округа в Дрездене. Там он стал начальником Генштаба и был произведен в полковники. С осени 1929 по осень 1931 года он командовал 5-м артиллерийским полком в Фульде. Тогда же ему присваивается звание генерал-майора.

Уже в этот период его военной карьере хватало кризисов, которые ставили под вопрос его пребывание на военной службе. Уверенность и независимость, с которыми он вел себя во время процесса над несколькими молодыми офицерами его полка, привели к откровению с тогдашним министром по делам рейхсвера Тренером, который не отправил Бека в отставку лишь благодаря ходатайству начальника управления сухопутных войск генерала фон Хаммерштайна.

«Я, хорошо зная себя, прекрасно понимаю, – писал Бек тогда Хоссбаху, – что на моем пути обязательно встретятся подводные камни. Но я поставлю новый парус и спокойно поплыву до следующего рифа. Уверенность и вера должны быть внутри человека».

Начиная с осени 1931 года род его службы менялся очень часто. После короткого пребывания в Генеральном штабе 1-го командования группы армий в Берлине 1 февраля 1932 года Бек возвращается в Дрезден и становится командующим артиллерией 4-го военного округа. Оттуда 1 октября 1932 года отправляется в Франкфурт-на-Одере, чтобы стать командиром 1-й кавалерийской дивизии. 1 декабря 1932 года становится генерал-лейтенантом. В те же годы пишет труд «Управление войсками», на основе которого до войны готовилась германская армия и который изжил себя к осени 1935 года.

1 октября 1933 года Бек перешел на службу в министерство рейхсвера в Берлине. Тогда же в управлении сухопутных войск, во главе которого стоял генерал фон Хаммерштайн, был назначен начальником управления. Должность эта 1 июля 1935 года была переименована в руководителя Генерального штаба армии. Правда, за сменой названия не последовало расширения полномочий.

1 октября 1936 года он стал генералом артиллерии.

Сердце Бека было переполнено любовью к своей стране. Обладая высоким национальным самосознанием, он с тревогой следил за внутривнутриполитическими событиями, происходившими в Веймарской республике. Бек был солдатом и ярким сторонником точки зрения Зекта, заключавшейся в том, что рейхсвер должен находиться вне сферы партийной политики. Он считал сделанную в начале 30-х годов попытку поставить перед офицерским корпусом определенные политические условия, такие как вербовка офицеров в национал-социалистическое движение, несовместимой с неприкосновенными принципами их положения вне внутривнутриполитических противоречий. Поначалу он приветствовал принятие власти Адольфом Гитлером, считая это многообещающей предпосылкой восстановления равноправного положения вооруженных сил. Однако вскоре он почувствовал опасность, которая грозила независимости и частной жизни офицеров вермахта, который нужно было создавать заново. Исходила эта опасность из рядов национал-социалистической партии и от СА, а позже от СС, которые не скрывали своей жажды власти. Оборонительная война стала для Бека самым горьким долгом.

Бек скептически относился к внутривнутриполитическому развитию Веймарской республики и поведению большинства правящих личностей, резко осуждая бесчисленные преступления и террористические акты, совершаемые против справедливости и закона.

Глава 2

СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ ТРУД В 1934-1937 ГОДАХ

В настоящее время происходит столь многое, а как может развиваться будущее – особенно без нашего участия, – столь трудно предвидеть, что я хотел бы принять как действительно ценный военно-политический лозунг: из-за наших интересов ни с кем не испортить отношения.

Бек, весна 1935 г.

Рамок этой книги не хватит, чтобы дать полную картину или хотя бы в общих чертах обрисовать деятельность Бека в течение тех пяти лет, когда он был руководителем войскового управления и затем Генерального штаба. Важно осветить лишь одну сторону его деятельности: влияние Бека на создание и развитие новой армии и его борьбу против стремлений и планов, несовместимых с этой целью.

Положение и задачи руководителя Генерального штаба

Положение руководителя Генерального штаба во времена Бека так и не приобрело того значения, которое оно имело в королевской прусской армии при таких людях, как Мольтке, Шлифен и Гинденбург. Тогда руководителю Генштаба, выше которого был лишь Верховный главнокомандующий, поручали главную ответственную работу по подготовке к войне и ее проведению. Согласно выработанному порядку в заново воссозданном немецком вермахте высшую должность его главнокомандующего занимал государственный военный министр фон Бломберг; на ступень ниже его стояли три главнокомандующих частями вермахта (сухопутными войсками, морским флотом и люфтваффе): фон Фрич, Редер и Геринг. Верховное командование сухопутных войск, во главе которого находился главнокомандующий армией, состояло из пяти частей: Генеральный штаб армии, управление кадров сухопутных войск, общее управление, управление вооруженных сухопутных войск и административное управление сухопутных войск. Руководитель Генерального штаба также был одним из пяти помощников своего главнокомандующего, конечно самым важным: в его обязанности входили все работы по обороне страны и по подготовке и проведению сухопутных военных операций.

И Бек находился на месте, которое обеспечивало ему определяющее влияние на возрождение и развитие армии. Но в его жизни, полной самоотверженности и самоотречений, оказалось трагическим стечением обстоятельств, что на пике его офицерской карьеры ему не позволили стать во главе армии, где он мог бы многое исправить, лично отдавать приказы, высказывать и убежденно отстаивать свое мнение. Будучи руководителем Генерального штаба, он был главным начальником всех офицеров Генерального штаба сухопутных войск и мог оказывать непосредственное влияние на этот маленький, но избранный круг особо талантливых офицеров, что он с успехом и делал. Но остается фактом, что в том, что касалось вопросов подготовки войск, их вооружения, организации, обороны страны, оперативного ведения войны и отношений между военным и политическим правлением, он должен был довольствоваться ролью творческого советника. Он был помощником, а не главнокомандующим.

На его первой, дающей право отдавать приказы должности, которая, казалось, была создана для него, для его деятельной волевой натуры, необходимость в постоянном самоотречении давалась ему нелегко. К счастью, в этом человеке сознание собственной значимости и собственных возможностей соседствовало со скромностью и душевной уравновешенностью, которые позволяли ему ради дела приносить в жертву собственные стремления и надежды. Ради дела! А дело, Бек знал и с готовностью признавал это, находилось в надежнейших руках его непосредственного шефа, генерала барона фон Фрича. Кратковременное недоверие между ними, возникшее из-за подозрения Фрича, что вновь появившиеся понятия «Генеральный штаб» и «начальник Генерального штаба» могут, пусть и косвенно, уменьшить количество его собственных полномочий, было устранено. В дальнейшем Фрич и Бек, как и раньше, полностью доверяя друг другу, с успехом вместе работали и вместе боролись.

«Перевооружение, как таковое, не является преступным актом...»

Когда Фрич 1 февраля 1934 года отрапортовал Гитлеру о своей готовности принять пост командующего сухопутными войсками, фюрер сказал ему: «Сотворите армию могущественную, внутренне единую, как можно с более высоким уровнем образования».

Выполняя поручение, Фрич, высокоодаренный офицер, истинный патриот, работал самоотверженно, активно и с большим успехом. Гораздо позже, когда Вторая мировая война была уже в самом разгаре, Гитлер с неслыханным цинизмом хвастался: «В основном я создал вооруженные силы не для того, чтобы не наносить удар. Решение нанести удар всегда существовало во мне. Рано или поздно я хотел разрешить эту проблему». Нельзя доказать, действительно ли эта точка зрения соответствовала первоначальным намерениям Гитлера, или ее нужно рассматривать как «целевую». В любом случае Фрич и другие принимавшие участие в создании армии офицеры ничего не подозревали о подобных планах Гитлера.

Фрич и Бек видели в строительстве хорошо вооруженной державы не только предпосылки для успешного внутреннего развития государства, но и твердую уверенность в том, что никакая внешняя война не поставит под вопрос и не помешает этому развитию². Оба хотели строить армию спокойно, планомерно и без спешки. Нужно было избежать того, чтобы молодые войска оказались в центре военных действий. Закон о создании вермахта и всеобщей воинской повинности появится позже. Вначале нужно было провести все необходимые приготовления материальной части – обеспечить создаваемую армию вооружением, обмундированием, обустроить полигоны для учений и т. д.

Но были и те, кто считал, что нужно ускорить темпы формирования армии. Так, общее управление предложило использовать время до появления закона о строительстве вермахта таким образом, чтобы уже к 1 октября 1934 года сухопутные войска насчитывали 300 тысяч человек. Это предложение обосновывалось тем, что рост германской боевой мощи служил бы сдерживающим фактором по отношению к иностранным державам и к жаждущим власти СА.

В документе от 20 мая 1934 года³ Бек протестовал против этого предложения, поскольку оно означало «не строительство армии, а мобилизацию»:

«Этой меры не избежать. Но она повлечет за собой прочие многочисленные, труднообосновываемые меры, которые усилят уже существующие подозрения и которые в результате этого станут еще сильнее преувеличивать. Как таковая эта мера может стать последней каплей, которая переполнит чашу терпения. Также это даст Франции, которая только и ждет условного сигнала, столь страстно желаемую возможность выйти из изоляции. До сих пор нашим лозунгом было то, что у нас в течение десяти лет не должно быть войны. Аргумент, что, когда у нас будет трехсоттысячная армия, нас невозможно будет победить, неубедителен. Силой француз сможет остановить как трехсоттысячную армию, так и ее строительство. Не используя силу, он не сможет сделать ни первого, ни второго. Подобная мера способствует военной опасности и оправданна лишь во внешней политике, если люди полагают, что не удастся избежать воору-

---

² В связи с этим обратимся к тому, что установил приговор Международного военного суда в Нюрнберге в отношении обвиняемого Шахта: «Перевооружение, как таковое, не является преступным актом в соответствии с Уставом. Для того чтобы оно явилось преступлением против мира, как оно предусматривается статьей 6 Устава, должно быть доказано, что Шахт проводил это перевооружение как часть нацистского плана для ведения агрессивной войны. Шахт утверждал, что он принимал участие в программе перевооружения лишь потому, что он хотел создать сильную и независимую Германию, которая могла бы проводить внешнюю политику, способную завоевать ей уважение и равное положение с другими европейскими странами».

³ Пометка, собственноручно сделанная Бекком.

женного конфликта. Также я считаю невозможным, чтобы Гитлер смог ждать до 1 апреля 1935 года наступления *fait accompli*⁴, ввиду беспорядков, которые будут ему предшествовать...

...С точки зрения внутренней политики неправильно, чтобы так быстро построенная армия была более ценным орудием власти государства, чем созданная в процессе тщательной работы, хотя бы на треть или на половину. Наоборот, ненадежное орудие власти может стать причиной опасности. И тогда костяк прежней наемной армии, растворившись в нем, окончательно потеряет свою ударную силу. Я скорее стану опираться на десять надежных, чем на пятьдесят ненадежных людей. Таким образом, с СА (и СС!) не решить вопрос власти. Для миллионов их членов не играет никакой роли, противостоят ли им 100 тысяч или 300 тысяч солдат (даже квалифицированных). Этот вопрос нужно решать иначе. 300 тысяч человек – такой ответ является попыткой уклониться от решения проблемы. <...>

Закон о всеобщей воинской повинности вступит в силу самое раннее 1.10.35. На построенную до этого трехсоттысячную армию он не влияет. Также влияние закона о всеобщей воинской повинности кажется мне сомнительным, пока не будет обеспечен авторитет государства, как таковой. Впрочем, под этим понимается лишь 50 процентов годных к военной службе. <...>

Слишком быстрое строительство армии – это то же самое, что преждевременные роды со всеми слабостями и изъянами. В общем и целом эти недостатки можно преодолеть, но понадобятся годы, чтобы полностью их устранить. Мы еще не раз во многом вернемся к соотношениям 1920 – 1923 годов. Нарушится прежний принцип, что сплоченность офицерского корпуса и войск является важнейшей и самой главной целью».

Бек заканчивает рядом примеров, которые показывают недостатки этого предложения.

Возражения Бека совпали с мнением главнокомандующего и были приняты. Это предложение так и не было претворено в жизнь. Закон о строительстве вермахта от 16 марта 1935 года установил службу в вермахте на основе всеобщей воинской повинности. Германская армия делилась на 12 командных корпусов и 36 дивизий. Срок активной службы, согласно распоряжению от 21 мая 1935 года, составлял один год.

Одновременно с принятием закона о всеобщей воинской повинности не был установлен двухлетний срок действительной службы ввиду невозможности выделить для этой цели необходимый инструкторский состав. Преимуществом одногодичной службы в действующей армии являлось то, что можно было быстрее подготовить рядовой состав. Но Фрич и Бек считали, что в интересах строительства прочной и надежной армии нужно отказаться от этого преимущества. Они решили после того, как улучшится ситуация с инструкторским составом, вопреки другим желаниям внутри Главного командования армией как можно скорее ввести двухгодичный срок службы. Что и было сделано Указом фюрера и рейхсканцлера от 24 августа 1936 года.

Когда друг поздравил Бека с назначением начальником Генерального штаба, тот ответил ему вопросом: «Что сказал граф Шлифен, став начальником Генерального штаба?» Ответ был следующим: «Меня не покидает тревога» – так Шлифен писал своей сестре, испытывая чувство глубокой ответственности после того, как на его долю выпало управление наследием великого Мольтке. Бек говорил: «Меня тоже не покидает тревога, потому что свой теперешний пост я даже примерно не могу сравнить с положением Шлифена. Я боюсь, что мы можем оказаться втянутыми в войну до того, как будем в состоянии сражаться, имея перспективы на успех. Мы должны сделать все, чтобы не позволить этому случиться. Но все ли это ясно понимают?»

---

⁴ Свершившийся факт (фр). (Примеч. пер.)

Бек требует «нравственно обоснованной политики»

Конечно же пацифистом Бек не был, но его отличало глубокое чувство ответственности, и он прекрасно сознавал, какие последствия повлечет за собой война не только для проигравших, но и для победителей. Поэтому он чувствовал отвращение к наступательной войне – войне, которая ведется не из-за непреодолимых обстоятельств, а для самоутверждения государства и народа. Также Бек опасался превращения современной войны в тотальную. Но он был убежден, что это можно преодолеть не обращаясь к инструменту войны, а «путем нравственно обоснованной политики, которая всегда сохраняет первенство и на основе которой появляется новый моральный идеализм в государстве и в отношении к другим народам». Первую предпосылку к этому Бек видел в том, чтобы «руководитель политики был высоко-нравственным человеком, который даже в последней инстанции подчинялся бы собственному внутреннему моральному закону, собственной совести».

Бек знал из истории, что внешняя политика государства в ответе за то состояние, в котором его вооруженные силы вступят в войну. Записи, сделанные им после отставки, показывают его точку зрения на взаимодействие политического и военного руководства: «Различные мнения об отношениях между политикой и военным руководством, как и отсутствие компромисса между политическими требованиями и целями и военной работоспособностью государства, могут оказаться первым и, возможно, решающим шагом к поражению в войне. Не случайно история знает множество примеров, когда война была выиграна или проиграна еще до своего начала. И это всегда была либо заслуга, либо вина политики... Ни одного человеческого гения не хватит, чтобы военно и политически успешно провести будущую войну, как это делали Фридрих Великий и Наполеон I. Ни одно государственное правительство, каким бы оно ни было, не может закрывать глаза на этот факт. Дуализм государственного деятеля-полководца также является данностью, с которой нужно смириться. Вероятно, повезет государству, в котором различные мнения двоих людей находят необходимый компромисс в решениях Верховного главнокомандующего, который командует хоть и лично, но при успешном содействии государственного деятеля и полководца. Но между вышеназванными личностями сохраняется необходимость в том, чтобы в политическом управлении было понимание боевых задач военного командования, а в военном руководстве – политических устремлений. Также нужно, чтобы они обменивались информацией, взаимодействовали в полном согласии друг с другом и не лезли не в свои дела».

Такова была точка зрения Бека. При этом он и сам в своих мыслях, предложениях и суждениях, если они касались обороны страны и оперативного ведения войны, всегда исходил из конкретной политической ситуации. Он выискивал любую возможность, в том числе и посредством бесед с компетентными должностными лицами, чтобы знать о целях внешней политики, о средствах их достижения и о результатах, которые могли бы получиться в случае их осуществления. Именно с этой целью он завязал близкие отношения с тогдашним статс-секретарем министерства иностранных дел Бюловом. Последний по его просьбе время от времени в доверительных беседах рассказывал Беку о внешнеполитической ситуации. Бек имел привычку записывать информацию, полученную при таких беседах. Часто это были лишь несколько слов без собственных комментариев. Приведем выдержки одной из этих записей, сделанной 30 июля после темных событий 30 июня 1934 года⁵ и «дела Дольфуса»⁶.

---

⁵ «Ночь длинных ножей» (путч Рема) – убийство высшего руководства СА, в том числе и начальника штаба этой организации Эрнста Рема, силами СС (с 30 июня по 2 июля 1934 г.), осуществленное по приказу Гитлера. Во время «ночи длинных ножей» погибли также несколько политических противников нацистов, не имевших отношения к СА. (Примеч. пер.)

⁶ Дольфус Энгельберт (1892 – 1934) – австрийский политический деятель, лидер христианско-социальной партии; канцлер Австрии в 1932 – 1934 гг. Убит путчистами. (Примеч. пер.)

«Недоверие Англии к немецкому вооружению относится к люфтваффе, а не к сухопутной армии. Шпионы докладывают обо всем и Англии, и другим заинтересованным государствам. Прежде всего, они узнают о вооружении на борту бомбардировщиков, о штабелировании большого количества бомб и так далее, они понимают, что этот факт противоречит словам рейхсканцлера, и, соответственно, больше Германии не доверяют. Пошатнулось доверие к Гитлеру и частично к Бломбергу. Герингу не верят абсолютно. Маскировку продолжать ни в коем случае нельзя. <...>

События 30 июня вызвали отвращение и ужас. В том, что касается внешней политики, фюрера или, соответственно, правительство считают способными на все. <...>

Мир еще не успел прийти в себя от жутких впечатлений 30 июня, как 25 июля грянул гром в Вене. Благодаря тому, что пишут в газетах, и тому, что правительство уже объяснило или еще пояснит, никто не верит, что Гитлер ко всему непричастен, тем более после того, как стал известен министерский список, согласно которому Габихт⁷ исполняет обязанности вице-канцлера. Муссолини вне себя от ярости. У него в гостях фрау Дольфус для подготовки визита ее мужа. Он должен в деликатной форме сообщить ей о смерти мужа. Муссолини видит в этом деле разоблачение фашизма, а на основе встречи в Венеции⁸ он должен будет еще сильнее поверить в двойственность политики Гитлера – в худшем случае неудача после Венеции. Венский путч с невероятной легкомысленностью инсценируется. <...>

Наша внешнеполитическая ситуация безнадежна. Сейчас на кону стоит все, в особенности вооружение. Все, чего мы с трудом добились в вопросе вооружения, потеряно. Все державы, от которых это зависит, против нас. Франции, которая, как и прежде, находится на заднем плане со своими угрозами, даже пальцем шевелить не нужно, чтобы создать благоприятную для себя ситуацию. Необходимо понять всю серьезность положения и разъяснить ее авторитетным лицам. При таком положении вещей у нас есть две возможности. Либо ни о чем не беспокоиться, а потом на первый план выйдут силовые меры, за которые сегодня будут все державы (даже Польша не останется в стороне). Затем последует безнадежная последняя битва. Либо можно подчиниться. В обоих случаях Третий рейх будет в большой опасности. Таким образом, армия должна будет лишиться авторитета, завоеванного благодаря событиям 30 июня. <...>

Австрия является источником всех зол. Здесь нужно покончить с двойственной политикой. Наступит медленное и трудное охлаждение. Папен⁹ не получил ответа, и все-таки он должен взять на себя этот труд, но вести себя при этом очень осторожно».

Фактически Гитлер, после смерти Гинденбурга ставший главой государства, в связи с «делом Дольфуса» решил, по крайней мере внешне, направить отношение Германии к Австрии по «нормальному и дружелюбному руслу». В мае 1935 года он сообщил в рейхстаге, что Германия не имеет намерения захватывать Австрию или вмешиваться в ее внутренние дела. При этом он, естественно, выразил желание улучшить таким образом и отношения с Италией, которые стали весьма напряженными после убийства Дольфуса.

По поводу этого Бек, согласно его записям от 22 июня 1935 года, узнал от статс-секретаря Бюлова следующее: «Смена настроений в Италии в пользу Германии производит большое впечатление. Муссолини заметил, что Дунайский пакт, как он его себе представляет (гарантирующим благодаря великим державам господствующее положение Италии по отношению к Австрии, которое, согласно договору, обязана была бы признать и Германия), неосуществим, так как вопрос слишком многосторонен и сложен. Он натягивал одни нити, а другие слегка отпуская, стараясь как можно больше их держать в своих руках – не расставаясь с мыслями

---

⁷ Габихт Теодор был в то время руководителем национал-социалистов в Австрии.

⁸ В июне 1934 г. в Венеции состоялась первая встреча Гитлера и Муссолини.

⁹ 26 июля 1934 г. фон Папен был назначен немецким посланником в Вене.

об Австрии. На настроения Муссолини влияла также предстоящая абиссинская авантюра, не стоит говорить о том, как она завершилась. Осенью, вероятно, начнется внимательнейшее обсуждение абиссинского вопроса, когда один из членов Лиги Наций начнет войну против другого. Точно, что Муссолини является одним из самых ненадежных политиков. В отношении Австрии мы ничего не сделали ввиду отсутствия интереса. Рано или поздно вопрос решится сам по себе в нашу пользу. Также мы участвуем в абиссинском деле не как «непослушные школьники» и авось получим благодаря ему дальнейшую передышку».

Также и венгерский начальник Генерального штаба Верт, 24 июня 1935 года беседовавший с Бломбергом в присутствии Бека, сделал достойные внимания замечания относительно политики Муссолини. Согласно записям Бека, Верт объяснил: «Важнейшим пунктом для Италии в австрийском вопросе является то, что она не хочет общей пугающей ее границы с «восемидесятимиллионной Германией». У нее нет территориальных претензий на Австрию. Было бы нелогично, если бы Италия таким образом приобрела непосредственную границу с Германией, ведь она очень хочет этого избежать. Если бы Италию можно было успокоить заведениями, что у Германии нет территориальных претензий на Австрию и что она не хочет аншлюса, то австрийский вопрос больше бы итальянцев не волновал. Венгрия предложила посредничество по отношению к Италии. Муссолини был в основном пронемецки настроен, но в том, что касается армии, он германофоб. Муссолини не обратился к Венгрии с предложением создать фронт против Германии. Италия успокоена последней речью Гитлера».

Согласно заключенному год спустя, 11 июля 1936 года, договору между Германией и Австрией, немецкое правительство признавало полный суверенитет федеративного государства Австрии. «Каждое из правительств, – говорится в нем, – рассматривает форму внутренней политики другой страны, в том числе и вопрос австрийского национал-социализма, как дело другой страны. Дело, на которое оно не станет оказывать ни прямого, ни косвенного влияния». Наряду с этим отношение Германии к Италии вновь приняло дружеский вид. А после того как 23 октября 1936 года Германия признала захват Эфиопии Италией, связи между ними стали еще более тесными.

И все же стремления Гитлера были направлены на то, чтобы мирным путем провести аншлюс Австрии через усиление там национал-социалистического движения. Но на случай, если вопрос о восстановлении габсбургской монархии станет остро, весной 1937 года Верховному командованию армии нужно будет подумать и о возможности военного вмешательства.

«Германия не в том положении, чтобы рисковать и давать повод к войне...»

20 мая Бек высказался очень категорично: «Группировка сил в Европе сейчас такова, что можно не волноваться о войне лишь между двумя из держав. Насколько я знаю Австрию, а в особенности австрийскую армию, я уверен, что немецкое военное вступление в Австрию, направленное против восстановления габсбургской монархии, означает войну между Германией и Австрией. В случае войны Францию и Чехию нужно считать врагами номер один, Англию, Бельгию и Россию – врагами номер два, Польшу и Литву – врагами номер три. У меня недостаточно информации, чтобы судить о позиции остальных держав. Но эту информацию лучше заведомо считать неблагоприятной, как в случае навязанного нам конфликта. То же самое относится к Венгрии и Италии».

Затем Бек обратил внимание на стоящую тогда в Германии очень серьезно проблему снабжения продовольствием, которую можно было решить, по его мнению, путем внедрения ускоренных технологий переработки урожая и обработки полей при участии всех имеющихся в распоряжении рабочих сил¹⁰. Затем он продолжил: «Ограниченный военный успех – захват Австрии до Трауна, – на мой взгляд, не поможет достижению политической цели. Полный захват Австрии должен будет повлечь за собой такое количество военных мер, что, даже если все удастся, нужно будет опасаться, что будущие немецко-австрийские отношения будут проходить не под знаком аншлюса, а под знаком грабежа... Иногда утверждается, что Франция в одиночку не ведет войну. Не учитывая позиции Англии, которую предвидеть невозможно, в данном случае можно утверждать, что Франция была бы не одна. Она борется вместе с Австрией против Германии, и со временем, о чем можно говорить довольно уверенно, может рассчитывать, что и Чехия будет на ее стороне».

Далее Бек цитирует известное и часто употребляемое им высказывание фон Клаузевица: «Задачей и правом военного искусства по отношению к политике является главным образом следующее: не дать политике требовать того, что противно природе войны, чтобы из-за незнания влияния инструмента она не совершала ошибки в его использовании».

Подводя итог, Бек подчеркивал: **«Германия во всем, что касается армии, находится не в том положении, чтобы рисковать и давать повод для войны в Центральной Европе.** Реально ни в настоящее время, ни в ближайшем будущем она вообще не сможет вести войну. На основе оценки военно-политических и прочих предпосылок военного вмешательства в дела Австрии, направленного против восстановления габсбургской монархии, я считаю, что дальнейшая разработка этой мысли была бы безответственностью со стороны армии».

Несмотря на оценку Бека, в изданной 24 июня 1937 года «Директиве о единой подготовке вермахта к войне» Верховное командование вермахта спланировало вооруженное вторжение в Австрию, если там начнется восстановление габсбургской династии (план «Отто»).

Наряду с австрийским вопросом также остро стоял вопрос об **отношении Германии к Чехословакии**, которому начальник Генерального штаба должен был уделять повышенное внимание с самого начала своей служебной деятельности. Эта проблема наравне с Судетами таила в себе опасность военных осложнений, а вследствие двойной уверенности, которую давали Чехословакии Франция и Россия¹¹, – опасность большой европейской войны. Бек отстаивал точку зрения, что Германия не должна использовать судетский вопрос как повод для

---

¹⁰ Бек опирался здесь на информацию о развитии народного хозяйства Германии, полученную от бывшего рейхскомиссара по ценам обер-бургомистра доктора Герделера.

¹¹ Договор о взаимопомощи от 16 мая 1935 г. (Примеч. пер.)

нападения на соседнее государство и вообще она должна избегать всего, что может повлечь за собой военную стычку с таким результатом.

Возможность выразить свою точку зрения высшему военному начальству впервые представилась ему весной 1935 года. Военный министр рейха, опираясь на оперативное исследование, призывал главнокомандующего сухопутными войсками в своем письме от 2 мая высказать его мнение о приготовлениях, которые нужно было провести для выполняемой «молниеносной» операции (условное название *Schulung* – «Учения») против юго-восточного государства, «не принимая во внимание теперешнее неудовлетворительное состояние нашего вооружения» и предполагая, что «любое улучшение ситуации с вооружением сделает возможным расширение готовности и, таким образом, создаст более благоприятные перспективы на успех».

Бека беспокоила мысль, что за этим «оперативным исследованием» укрывалось намерение провести серьезные приготовления для нападения на Чехословакию. Уже на следующий день, 3 мая, он предоставил главнокомандующему письменное изложение своей точки зрения. Прежде всего он поясняет: «По зрелом размышлении я считаю своим долгом сообщить уже сегодня, что **если в письме господина министра имеются в виду не планы оперативного исследования, то этим самым письмом задумывается вступление в практические военные приготовления. Но тогда я должен покорно просить снять меня с должности начальника управления, так как я не чувствую, что справляюсь с последней задачей**».

Затем Бек беспощадно раскритиковал основы этого так называемого «оперативного исследования». Он писал: «В постановлении господина министра нет ничего о военной цели, которая поставлена командующему действующей армией на основе указанной государственным деятелем руководителю вермахта цели «молниеносной операции». Только когда военная цель для сухопутной армии будет полностью понятна, можно будет начать заниматься практическими и точными стратегическими проработками... Операция «Учения» выдвинет на первый план другие державы и сделает их противниками тех, кто ее проводит. Кроме того, нужно упомянуть, что Франция в настоящее время привела в боевую готовность 11 пехотных дивизий, 1 кавалерийскую, 1 мотомеханическую дивизию для «молниеносного нападения на Германию». В любом случае во время операции «Учения» нельзя рассчитывать на то, что хотя бы единожды будут задействованы только два противника. Скорее правильнее предположить, что при примерно неизменном военно-политическом положении, по меньшей мере, противники на западе и юге как можно быстрее пустят в ход превосходящую по силе военную машину против атакующего. Таким образом, операция «Учения» может рассматриваться в гораздо более широких рамках. Последнее следует учитывать в первую очередь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.